

А.М. ШАХНАРОВИЧ И ТЕОРИЯ ДЕТСКОЙ ГОЛОФРАЗЫ

Сигал Кирилл Яковлевич,

доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий отделом экспериментальных исследований речи

Институт языкознания РАН

125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1/1

kjseagal@yandex.ru

Статья посвящена юбилею выдающегося российского ученого А.М. Шахнаровича (1944–2001), который был одним из создателей психолингвистики развития в нашей стране. В статье рассматривается вклад А.М. Шахнаровича в теорию детской голофразы, а именно в объяснение природы этого явления в раннем детском синтаксисе. Автор показывает, что долгое время голофразу исследовали лингвисты и психологи по отдельности и что именно А.М. Шахнаровичу принадлежит приоритет в разработке теории детской голофразы на психолингвистической основе. А.М. Шахнарович рассматривал голофразу, т.е. однословное предложение-высказывание, в детской речи как «допрограммное» образование, у которого программа речевых действий содержится в самой ситуации. Согласно А.М. Шахнаровичу, в голофразе осуществляется связь двух деятельностей – речевой и неречевой. А.М. Шахнарович считал, что детская голофраза основана на «коммуникации событий» (А.Р. Лурия) и принадлежит ситуативной речи. Голофраза рассматривается А.М. Шахнаровичем как самый ранний прецедент использования элементов конвенциональной языковой системы для обозначения компонентов пропозиционального содержания. В статье показано, что во многом благодаря исследованиям А.М. Шахнаровича в психолингвистике развития был поставлен вопрос о том, как дети создают голофразы в своей речи. Кроме того, в статье обсуждается проблема «рудиментов» детской голофразы в речи взрослых.

Ключевые слова: голофраза, однословное предложение-высказывание, синтаксис детской речи, А.М. Шахнарович

Введение

Как известно, в психолингвистике развития, основы которой были заложены в отечественном языкознании Александром Марковичем Шахнаровичем (1944–2001) [Сигал, Юрьева 2011; Сигал 2014], особое место отводится онтогенезу синтаксического компонента языковой способности. При этом сам А.М. Шахнарович в качестве одной из приоритетных задач синтаксических исследований в русле психолингвистики развития считал установление природы такой наиболее ранней синтаксической формы, как голофраза, или, иначе – однословное предложение-высказывание. Этот факт, по-видимому, объясняется тем, что голофраза не только представляет собой характерную для ребенка от 1 г. 3 мес. до 1 г. 8 мес. [Гвоздев 2007: 163] синтаксическую «упаковку» мысли, но и выступает как своеобразный индикатор речевой активности ребенка в этом возрасте [Barret (ed.) 1985]. Вовсе не случайно в англоязычной традиции существует особое терминологическое словосочетание – «holophrastic child» (буквально – «голофрастический ребенок»), выявляющее специфику речевой жизни ребенка в целом посредством указания на типичную ее черту – голофразу [Mackenzie 1998: 273].

Надо отметить, что при всей синтагматической неразвернутости голофразы и отсутствии в ней синтаксических связей А.М. Шахнарович рассматривал голофразу как онтогенетический исток синтаксиса детской речи. Действительно, несмотря на то, что некоторые исследователи не находят в голофразе «ничего синтаксического» [Leopold 1949: 1], видят в употреблении голофраз общение «без синтаксиса» [Кубрякова 1991: 166] или «до синтаксиса» [Bloom 1973], принадлежность детской голофразы к синтаксическому компоненту языковой способности не вызывает сомнений. Во-первых, посредством голофраз в детской речи передается то же (или почти то же) смысловое содержание, для передачи которого дети старшего возраста и взрослые используют предложения-высказывания более сложной синтаксической структуры. Во-вторых, в голофразе получает отражение способность предложения быть однословным по модели или по устойчивому образцу (в языке), а также в результате эллипсиса или апозиопезы (в речи). В-третьих, голофраза обладает просодическим оформлением, свойственным предложению-высказыванию определенной целеустановки и эмоциональной окрашенности.

Постановка задачи

Вклад А.М. Шахнаровича в теорию детской голофразы, безусловно, требует изучения и осмысления. Однако рассматривать учение А.М. Шахнаровича о голофразе как «вещь в себе» вряд ли уместно: с одной стороны, лингвисты и психологи обращали внимание на детское однословное предложение-высказывание задолго до возникновения науки о детской речи, а с другой стороны, в рамках современных психо- и онтолингвистических концепций голофраза моделируется по-разному, предстает в разных ракурсах. Поэтому в настоящей статье сначала кратко будут освещены «предтечи» теории детской голофразы в лингвистике и психологии, а затем получат освещение учение А.М. Шахнаровича о голофразе и некоторые другие отечественные концепции, без которых невозможно представить современную теорию детской голофразы. Наконец, будет продемонстрирован потенциал учения А.М. Шахнаровича о голофразе в оценке так называемой идеи «альтернативных грамматик».

А.А. Потебня, Г. Шухардт, О. Есперсен, К. Бюлер о детской голофразе

Те речевые факты, которые ныне называются детскими голофразами, А.А. Потебня именует «первообразными словесно-одночленными предложениями» и отмечает их предикативность [Потебня 2010: 76]. При этом А.А. Потебня подчеркивает, что «не может быть прямого перехода от такой простой апперцепции, как, например... *“мама!”* к такой, где *“мама”* есть уже субъект предиката, означающего отвлеченное действие или качество» [Потебня 1993: 108]. По своей семантике детское высказывание, выступающее в виде «отрывистого слова» [Там же: 101], согласно А.А. Потебне, «может быть только указанием на чувственный образ, в котором нет ни действия, ни качества, ни предмета, взятых отдельно, но все это в нераздельном единстве» [Там же: 104].

Интересное замечание о семантике детских голофраз принадлежит Г. Шухардту. По его мнению, «одночленные предложения детской речи имеют своим содержанием, как правило, какое-нибудь событие или происшествие, и им присущ глагольный характер даже в том случае, когда они выражаются с помощью существительных. Допустим, что мать входит в комнату и ребенок восклицает: *“мама!”*. Это отнюдь не обозначает “это мама (а не папа)!” , но “вот идет мама!”...» [Шухардт 2003: 87].

О. Есперсен, не обращаясь непосредственно к фактам детской речи, высказывает крайне важную для понимания природы голофразы мысль о том, что при создании

однословного предложения-высказывания действие эллипсиса совсем не обязательно. «Если слово *John!* “Джон!” образует целое высказывание, – замечает О. Есперсен, – его, в зависимости от обстоятельств и интонации, можно толковать по-разному: “Как я люблю тебя, Джон!”, “Как ты мог это сделать?”, “Рад тебя видеть!”, “Это был Джон? а я думал – это Том!” и т.п. Как можно свести эти различные значения предложения *John!* к схеме “подлежащее-сказуемое” и как может эллипсис помочь нам при анализе?» [Есперсен 1958: 357]. Это наблюдение тем более верно по отношению к детской голофразе: ведь эллипсис предполагает синтаксическую членимость, чего в первых однословных предложениях-высказываниях детской речи просто нет и не может быть.

К. Бюлер отметил, что детское однословное предложение является «еще не кодифицированным, но способным к кодификации» [Бюлер 1993: 69]. Согласно К. Бюлеру, первоначальные высказывания ребенка представляют собой единство «жестов и удобных эмпрактических номинаций», поэтому они являются «симпрактически встроенными» [Там же: 143–144].

А.Н. Гвоздев о детской голофразе

Во всех этих наблюдениях и замечаниях, напрямую или опосредованно касающихся голофраз в детской речи, отчетливо просматривается стремление подойти к пониманию их специфических свойств. Основы теории детской голофразы были заложены А.Н. Гвоздевым, который называл такое детское предложение-высказывание либо «словом-предложением», либо «простым синтаксическим целым» [Гвоздев 2007: 162]. Как показывает А.Н. Гвоздев, семантика слов-предложений становится понятной в процессе общения благодаря интонации, а также обстановке и жестам ребенка. Причем, по мнению А.Н. Гвоздева, «расчленение слова-предложения на два (или больше) члена мысли – отсутствует» [Там же]. А.Н. Гвоздев подчеркивает, что состав однословных детских предложений-высказываний образуют «аморфные слова-корни» [Там же: 163]. Тем не менее «существительные обычно появляются в форме именительного падежа», а «глаголы – в повелительном наклонении и инфинитиве» [Там же]. Почти одновременно и независимо от А.Н. Гвоздева к близким заключениям об особенностях «простых синтаксических целых» в детской речи пришел В.Ф. Леопольд, наблюдая, однако, онтогенез синтаксиса в условиях билингвизма [Leopold 1949; Курманбаев 1981: 63 и сл.].

Л.С. Выготский о детской голофразе

В детской психологии неизменно фиксировалось явление однословного синтаксиса в речевой продукции детей до 2 лет. Л.С. Выготский предложил психологическое объяснение этого синтаксического факта в перспективе генезиса речемыслительной деятельности. Природу голофразы Л.С. Выготский связывал с уровнем когнитивного развития ребенка. «Мысль ребенка, – пишет он, – первоначально рождается как смутное и нерасчлененное целое, именно поэтому она должна найти свое выражение в речевой части в отдельном слове. Ребенок как бы выбирает для своей мысли речевое одеяло по мерке» [Выготский 2006: 964]. Голофраза в детской речи рассматривается Л.С. Выготским в свете представлений о разнонаправленности фазической и семантической сторон речи. Если в овладении фазической, т.е. формально-структурной, стороной речи ребенок идет от частей к целому, то «по своему значению первое слово ребенка есть целая фраза – односложное (sic! – К.С.) предложение. В развитии семантической стороны речи ребенок начинает с целого, с предложения, и только позже переходит к овладению частными смысловыми единицами, значениями отдельных слов,

расчленяя свою слитную, выраженную в однословном предложении мысль на ряд отдельных, связанных между собой словесных значений» [Там же: 963]. В целом однословный синтаксис у детей оценивается Л.С. Выготским как сугубо предикативный, относящийся к внутреннеречевым образованиям. По мнению Т.В. Ахутиной, именно это подчеркивает Л.С. Выготский, утверждая, что «внутренняя речь существует уже изначально» [Ахутина 2007: 41].

А.М. Шахнарович о детской голофразе

Надо сказать, что однословные предложения-высказывания в детской речи перестают изучаться лингвистами и психологами по отдельности только с 1970-х гг., когда появляются психолингвистические концепции детской голофразы. В отечественной науке создателем такой концепции стал Александр Маркович Шахнарович, благодаря которому теория детской голофразы обогатилась новыми идеями и представлениями, не потерявшими своей актуальности до наших дней.

Прежде всего отметим, что одним из первых А.М. Шахнарович показал, почему вместо терминов «однословное предложение(-высказывание)», «слово-предложение», «простое синтаксическое целое», «первичное слово» и др. в психолингвистике развития целесообразно использовать термин «голофраза». «Здесь можно провести аналогию, – разъясняет А.М. Шахнарович, – с голографическим принципом распределения информации, при котором в каждом более мелком структурном элементе содержится системное целое. Другими словами, значение каждого элемента ситуации содержится в слове однословного высказывания. Однако слово не репрезентирует всю ситуацию до мельчайших деталей, а если продолжить сравнение с голограммой, то можно сказать, что в слове однословного высказывания как составной части целого (ситуации) сохраняются наиболее существенные звенья, образующие как бы ядро ситуации. Отсюда нечеткость, расплывчатость значения детского высказывания на ранних этапах и, с другой стороны, его синкретизм и недифференцированность, – ведь оно растворено в ситуации» [Шахнарович 2001: 597].

А.М. Шахнаровичу удалось связать детскую голофразу с важнейшей для психолингвистики идеей программы (по А.А. Леонтьеву, программирования) высказывания. А.М. Шахнарович напоминает о том, что программирование состоит «в отнесении содержания будущего высказывания к действительности и выборе тех средств, которые адекватно эту действительность выразят» [Там же: 136], и выдвигает одно из ключевых положений своей концепции детской голофразы: «Этап однословных предложений можно назвать предпрограммным этапом, на котором умение строить программу еще не сформировалось, однако предцирование осуществляется» [Там же: 138]. Согласно А.М. Шахнаровичу, «при употреблении однословных предложений ребенок пользуется “внешним” планом речевых действий. Программа речевых действий содержится в самой ситуации. Именно поэтому однословные предложения бывают непонятны без учета мимики, жеста, интонации» [Там же: 165–166]. «Однословные предложения, – пишет А.М. Шахнарович, – важны для психолингвистики постольку, поскольку в них зафиксированы определенные этапы овладения программой высказывания» [Там же: 166].

Голофраза в детской речи, по А.М. Шахнаровичу, отражает появление связи «фраза – ситуация», однако для ребенка «ситуации вообще» не бывает. «Суть дела... в деятельности в ситуации. Деятельностная ситуация потому отражается в высказывании ребенка, связана с этим высказыванием предикативностью, что эта связь деятельности – речевой и неречевой, предметной» [Там же: 140]. Представляется, что эту же

идею в полемике с генеративистами отстаивала П.М. Гринфилд, утверждая, что голофразы у детей связана с «глубинной когнитивно-перцептивно-деятельностной структурой (an underlying cognitive-perceptual-action structure)» [Greenfield 1978: 347].

А.М. Шахнарович выдвигает идею о том, что развитие предикативности в детском синтаксисе идет от «коммуникации событий» к «коммуникации отношений» (А.Р. Лурия). При этом «в своих высказываниях – однословных предложениях – ребенок передает “коммуникацию событий”. Однословные высказывания можно отнести к ситуативной речи» [Шахнарович 2001: 141].

Для А.М. Шахнаровича «главное отличительное свойство однословных предложений состоит в том, что они – предложения прежде всего по семантическим и психологическим признакам. Эти предложения не требуют “перевода”, поскольку они, во-первых, слиты с ситуацией употребления, а во-вторых, взрослые и дети имеют в виду одно и то же, но выражают это разными способами. Именно поэтому, как правило, безошибочно взрослые реагируют на высказывания ребенка (например: *Ду-ду* – “Посади меня на диван”; *Ка* – “Дай мне кружок”))» [Там же: 142].

Интересно проводимое А.М. Шахнаровичем сопоставление детских однословных высказываний с теми «высказываниями», которые были возможны до становления голофраз. «На этапе, предшествующем появлению однословных высказываний, в структуре сенсомоторного перформатива пропозициональное содержание находится вне собственно поведенческого акта, оно содержится в ситуации и не имеет средств обозначения. (Довольно часто взрослый верно понимает перформатив, но не догадывается о смысле пропозиции; в этом случае он действует методом перебора: «*Ну, что тебе дать? Мяч? Куклу? и т.д.*».) С появлением же однословного высказывания начинает маркироваться пропозициональное содержание. Таким образом, некоторая внеречевая цель достигается теперь с помощью сложного поведенческого акта, включающего в свой состав элементы конвенциональной знаковой системы» [Там же: 595].

Детская голофраза была для А.М. Шахнаровича не только предметом размышлений, но и, если так можно выразиться, объяснительной моделью. Так, например, идя во многом за Л.С. Выготским, он полагал, что путем обращения к голофразе можно объяснить то, как организован текст в семантическом плане. А.М. Шахнарович писал: «По своей семантике текст восходит к “голофразе” детской речи, содержа в себе как бы всю картину ситуации общения в ее единстве и нерасчлененности» [Там же: 359].

Е.С. Кубрякова и С.Н. Цейтлин о детской голофразе

Концепция А.М. Шахнаровича, значительно углубившая представления о детских однословных предложениях-высказываниях, позволила перейти к более детальному разъяснению того, как дети создают голофразы в своей речи.

«Акт предикирования, – писала Е.С. Кубрякова, – заключается здесь в приписывании признака ситуации как таковой; “аргументом” является вся ситуация; “пропозиция” фиксирует определенный тип отношения, но развивающийся в особых условиях, когда функции (предикаты) устанавливаются относительно самой имеющей место на глазах у ребенка обстановки, первоначально воспринимаемой им как фон. В одну условную пропозицию и в один тип связи между функцией и аргументом оказываются втянутыми невербальный и вербальный объекты. Первый – в виде наглядно воспринимаемой и материально определенной ситуации (обстановки), второй – в виде одного из первых слов ребенка» [Кубрякова 1991: 156–157].

Согласно Е.С. Кубряковой, детская голофраза – результат того, что «элементы семантики и синтаксиса, номинации и предикации сплавлены на начальном этапе онтогенетического развития ребенка в единое целое» [Там же: 167]. Полемизируя с П.М. Гринфилд и отчасти с Г. и Е. Кларками [Гринфилд 1984; Кларк Г., Кларк Е. 1984], Е.С. Кубрякова показала, что пресуппозиция однословного предложения-высказывания состоит в том, что «ребенок не сомневается, что его поймут, и его высказывание – отражение того, что сейчас и здесь находится в фокусе его внимания» [Кубрякова 1991: 156]. Кроме того, ею была высказана мысль о том, что детская голофраза – это не исключительно предикат, новое, рема, коммент, «во-первых, потому, что не исключено обозначение главного объекта ситуации, или ее темы, топика, а во-вторых, и потому, что... однословное высказывание ребенка может представлять собой обозначение всей ситуации в целом» [Там же: 168].

С.Н. Цейтлин также отмечает, что ребенок вербализует в голофразе самый для него значимый компонент ситуации, находящийся в фокусе его внимания и относящийся к ситуации «я – здесь – сейчас» [Цейтлин 2000: 211]. «Хотя предложения на этой стадии и однословны, – подчеркивает С.Н. Цейтлин, – однако налицо умение расчлнить ситуацию, выявить один из ее компонентов, который представляется наименее очевидным и для которого имеется в лексическом репертуаре подходящая лексическая единица» [Там же: 214]. Согласно С.Н. Цейтлин, невербальный компонент (в частности, жест) также может входить в структуру голофразы [Там же: 211]. В.А. Еливановой, ученице С.Н. Цейтлин, принадлежит тонкое замечание: «Если считать жест компонентом высказывания, то голофразы следует признать однословными, но не однокомпонентными высказываниями» [Еливанова 2004: 9].

Общим в представлениях Е.С. Кубряковой и С.Н. Цейтлин о детской голофразе является привлечение механизма фокусирования к объяснению того, как ребенок строит свое однословное предложение-высказывание. Обращаются к этому механизму и нейролингвисты, свидетельствующие о том, что в голофразах «ребенок оречевляет самый значимый для него, информативный элемент целостной ситуации, а остальная ее часть подразумевается, остается на сенсомоторном уровне... Механизм вычленения значимой части ситуации связан... с механизмом ориентировочного рефлекса, выделения фигуры из фона – ребенок выражает словом то, что наиболее привлекает у него внимание» [Ахутина 2007: 41]. При этом «выделение субъективно существенного является первым принципом речевого членения», смыслового в своей основе [Там же: 42]. Ср.: «Если мама катит мяч, ребенок на этапе голофраз скажет *мяч*, а не *мама*, так как предполагается, что мама присутствует и играет агентивную роль» [Mackenzie 1998: 273]. Представляется, что в раскрытии семантической организации детской голофразы определенную помощь может оказать современная когнитивная теория (де)фокусирования [Ирисханова 2014].

Идея «альтернативных грамматик» и ее оценка в свете учения А.М. Шахнаровича о голофразе (дискуссия)

В психолингвистике развития нередко утверждается, что «как таковая детская речь уходит с приходом взрослой, однако те или иные ее рудименты остаются сравнительно долго» [Шахнарович 2001: 488]. Это утверждение высказывается как в общем плане, так и применительно к отдельным явлениям детской речи, в том числе к голофразам. Например, Дж.Л. Макензи полагает, что «одноэлементные предложения сохраняются у ребенка как предмет выбора (*as an option*) и продолжают существовать во взрослом языке» [Mackenzie 1998: 273]. Дж.Л. Макензи обнаруживает «рудименты» голофраз в

таких синтаксических явлениях, которые в речи взрослых связаны с контекстуальной неполнотой: в ответных репликах, экстраклаузальных компонентах, анафорических оценках и т.п. [Там же: 278–284; 290–291]. А.А. Потебня обращал внимание на близость «простых апперцепций» в речи детей к междометным предложениям у взрослых. Он констатировал: «И взрослые говорят отдельными словами, когда поражены новыми впечатлениями, вообще когда руководятся чувством и неспособны к более продолжительному самонаблюдению, какое предполагается связной речью» [Потебня 1993: 101–102]. Близкую к этому аналогию проводит Н.М. Курманбаев, согласно которому «ранние детские однословные предложения можно уподобить таким побудительным однословным предложениям взрослой речи, как “Ну” или “На”. Значения тех и других явствуют только из ситуации общения» [Курманбаев 1981: 64]. Е.С. Кубрякова обнаруживает сходство детских голофраз с «бытийными именными предложениями как именующими ситуацию глобально, нерасчлененно» [Кубрякова 1991: 168], т.е. с номинативными предложениями традиционной грамматики.

Представляется, что если исходить из учения А.М. Шахнарвича о детской голофразе и учитывать при этом все то, что известно в современной синтаксисе о неполных, междометных и номинативных (бытийных именных) предложениях, то ни одну из этих аналогий поддержать совершенно невозможно. Голофраза у детей – высказывание «до-программного» типа, в нем не имплицитна, а вовсе отсутствует синтаксическая структура. Отсюда следует, что неполное предложение с одним вербализованным членом никак не может быть «рудиментом» голофразы. Более того, у детей даже на постголофрастическом этапе отмечается «вынужденная неполнота» [Еливанова 2004: 19], в функционально-генетическом плане отличающаяся от неполноты в речи взрослых. Номинативное (бытийное именное) предложение не принадлежит к узусу разговорной речи, возникает достаточно поздно в книжно-письменной речи в результате «абсолютизации субъектного начала в предложении» [Тарланов 2007: 272; 285], «опирается на разветвленную систему паратаксиса и гипотаксиса» [Будагов 1977: 128]. Все это препятствует аналогизации номинативного (бытийного именного) предложения с голофразой. Кроме того, в детской голофразе ее конструктивный центр – словоформа – выступает как «замороженная форма» (frozen form), т.е. она только по внешней форме совпадает с формой именительного падежа, преобладающего в инпуте и в разговорной речи вообще [Цейтлин 2000: 84; 100]. Междометные предложения, конечно, лишены синтаксической формы. Но такого сходства недостаточно для их сближения с голофразами у детей. Во-первых, междометия «редко выступают как изолированные предложения», они «видоизменяют весь контекст речи, всю структуру определенного ее отрезка» [Германович 1966: 86]. Во-вторых, междометие – в отличие от слова в голофразе – не может называть какой-либо компонент ситуации. Получается, что пока не удалось найти достаточных оснований для того, чтобы отнести те или иные однословные предложения в речи взрослых к «рудиментам» детских голофраз.

Тем не менее Ю.А. Левицкий выдвинул идею «альтернативных грамматик», согласно которой «современный говорящий использует в своей речи не только “правильные” формально-синтаксические конструкции, но и всевозможные “реликтовые” структуры, хранящиеся в его памяти с раннего детства...» [Левицкий 2002: 214]. Однословные предложения-высказывания, согласно Ю.А. Левицкому, принадлежат к «глубинному “уровню залегания”», относятся к «протограмматике» [Там же: 214–215; Ключко 2015]. Однословное предложение-высказывание Ю.А. Левицкий соотносит с начальным этапом порождения речи – с «этапом мотивации», когда «общий нерасчлененный замысел

по “форме” очень напоминает первичное нерасчлененное, аморфное “слово-предложение” или однословное высказывание» [Левицкий 2002: 214]. Однако же Ю.А. Левицкий отделяет однословные предложения-высказывания от голофраз на том основании, что они подлежат формальному таксономическому описанию и могут обладать относительно сложной синтаксической интерпретантой [Там же: 216–217]. По Ю.А. Левицкому, однословными синтаксическими образованиями современный говорящий «наиболее часто пользуется в спонтанной диалогической речи, когда он менее всего задумывается над тем, как именно точнее, адекватнее выразить свою мысль» [Там же: 215]. Причем «в качестве однословного высказывания может быть употреблено практически любое слово в любой форме» [Там же: 217].

Если исходить опять-таки из учения А.М. Шахнаровича о детской голофразе, то трактовка однословных предложений-высказываний на основе идеи «альтернативных грамматик» может получить двоякую оценку. С одной стороны, помещая «рудимент» голофразы на этап мотивации, когда будущее высказывание представляет собой «сгусток» смысла, когда не вступили в действие механизмы смыслового членения, когда не выстроена программа высказывания и еще не ясно, в какой синтаксической форме оно будет осуществлено, здесь весьма точно следуют тому пониманию детской голофразы, которое отстаивал А.М. Шахнарович. С другой же стороны, соотнося с голофразой (= с «протограмматикой») однословные предложения-высказывания, в которых любое слово употребляется в любой форме, здесь не учитывают, что голофраза в детской речи не имеет синтаксической структуры, слово в ней «асинтаксично» [Курманбаев 1981: 66], тогда как эллиптическое «сжатие» предложения-высказывания до одной словоформы предполагает ее синтаксическую функцию в более крупной структуре и возмещение опущенных компонентов на основе синтаксических связей этой словоформы. Иначе говоря, эллипсис никак не осуществим без программирования высказывания, чего, согласно А.М. Шахнаровичу, не может происходить на этапе голофраз. Однако в эмоциональной речи или при намеренном «переводе» пропозиционального содержания в имплицитный план у взрослых, действительно, наблюдается примарное воплощение замысла в однословном высказывании. Вспомним однословное высказывание *John!* “Джон!” у О. Есперсена, который, кстати говоря, настаивал на том, что здесь вовсе нет эллипсиса. По-видимому, подобные случаи можно было бы трактовать как «рудименты» голофраз в речи взрослых.

Между тем в современной речи взрослых большее внимание привлекают не столько подобные голофразы *ad hoc*, сколько актуализация голофрастического принципа в речетворчестве. Этот голофрастический принцип реализуется, с одной стороны, в нежестком слиянии компонентов синтаксической структуры, маркируемом обычно пунктуационным знаком «дефис» (ср.: *Зима-у-которой-нет-конца пришла в горы* [Ковынева 2011: 32]), а с другой стороны, в графическом членении слова как потенциального носителя внутренних синтаксических отношений (ср., например, выявление предикативных отношений за счет использования прописных букв в названии газеты: *Комсомольская правда!* [Шмелева 2012: 344]). В обоих случаях от голофразы остается только компактность, конденсированность предикации в одном слове. Однако, в отличие от голофраз, здесь налицо собственно синтаксическая оформленность: в первом случае сохраняется синтаксическая структура присубстантивно-атрибутивного придаточного предложения и приобретает синтаксическая функция подлежащего на уровне членов предложения; во втором случае расчленение синтаксического типа намечается там, где его вообще не могло быть. Кроме того, голофраза – это «герой» разговорной речи, тогда как голофра-

стический принцип укоренился в книжно-письменной речи, где его реализация связана с особым использованием графических знаков. Если голофрастический принцип является, по сути дела, структурно-графическим, то специфика голофразы у детей, согласно А.М. Шахнаровичу, заключается преимущественно в смысловом плане [Шахнарович 2001: 141].

Выводы

В заключение необходимо сказать о том, что А.М. Шахнаровичу удалось предложить новую, психолингвистическую концепцию детской голофразы, в которой это явление раннего синтаксиса детской речи получило объяснение с точки зрения психолингвистики развития. В размышлениях А.М. Шахнаровича о детской голофразе, целостно-синтетических в своей основе, с одной стороны, нашли своеобразное преломление идеи и наблюдения его предшественников, а с другой стороны, приобрели психолингвистически точные формулировки те обобщения, которые принадлежали как ему самому, так и его современникам. Как выяснилось при обсуждении проблемы «рудиментов» детской голофразы в речи взрослых, учение А.М. Шахнаровича о детской голофразе является действенным экспертным инструментом. Для самого А.М. Шахнаровича, воспитанного в отечественных традициях языкознания и психологии, изучение голофразы в детской речи не было самоцелью, оно было нужно для понимания того, как формируется семантика высказывания и как она находит средства своего выражения в доступных ребенку конвенциональных элементах языковой системы. Поэтому вовсе не случайно Александр Маркович Шахнарович, глубокий и проникновенный исследователь детской речи, напомнил однажды о том, что, согласно широко употребляемому коллоквиализму, «сказать что-либо одним словом» – значит «выразить *смысл*» [Там же: 597].

Литература

Ахутина Т.В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2007. 216 с.

Будаев Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? М.: Наука, 1977. 264 с.

Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 528 с.

Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2006. 1136 с.

Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. СПб.: Детство-пресс, 2007. 472 с.

Германович А.И. Междометия русского языка. Киев: Радянська школа, 1966. 171 с.

Гринфилд П.М. Информативность, пресуппозиция и семантический выбор в однословных высказываниях // Психолингвистика. М.: Прогресс, 1984. С. 208-220.

Еливанова В.А. Двухкомпонентные высказывания как этап становления грамматической системы языка ребенка раннего возраста: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 23 с.

Есперсен О. Философия грамматики. М.: ИИЛ, 1958. 404 с.

Ириханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.

Кларк Г., Кларк Е. Как маленькие дети употребляют свои высказывания // Психолингвистика. М.: Прогресс, 1984. С. 353-366.

Клочко К.А. Протограмматика как компонент грамматической системы современного человека. Пермь: ПИЭФ, 2015. 183 с.

Ковынева И.А. Синтаксическая функция голофрастических конструкций // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 32-34.

Кубрякова Е.С. Проблемы анализа однословных высказываний ребенка и овладения им грамматикой // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 155-171.

Курманбаев Н.М. Происхождение грамматических категорий. Алма-Ата: Мектеп, 1981. 128 с.

Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. 236 с.

Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.

Потебня А.А. Слово и предложение: Введение в теорию. М.: КРАСАНД, 2010. 128 с.

Сигал К.Я. А.М. Шахнарович и современная психолингвистика // Вопр. психолингвистики. 2014. № 4. С. 9-15.

Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Памяти А.М. Шахнаровича (1944-2001) // Вопр. психолингвистики. 2011. № 1. С. 182-190.

Тарланов З.К. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении. Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. 480 с.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М.: Владос, 2000. 240 с.

Шахнарович А.М. Избранные труды. М.: Гуманитарий, 2001. 727 с.

Шмелева Т.В. Визуализация синтаксиса // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: Очерки. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 339-347.

Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003. 296 с.

Barret, M. (Ed.) (1985) Children's single-word speech. New York; Chister: Wiley. 325 p.

Bloom, L. (1973) One word at a time: the use of single word utterances before syntax. The Hague; Paris: Mouton Publishers. 264 p.

Greenfield, P.M. (1978) How much is one word? Journal of child language. Vol. 5. No. 2. 347-352.

Leopold, W.F. (1949) Speech development of a bilingual child: A linguist's record. Vol. 3. Grammar and general problems in the first two years. Evanston: Northwestern University Press. 200 p.

Mackenzie, J.L. (1998) The basis of syntax in the holophrase. Functional grammar and verbal interaction. M. Hannay, A.M. Bolkestein (Ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin, 267-295.

A.M. SHAKHAROVICH AND THEORY OF CHILDREN'S HOLOPHRASE

Kirill Ya. Seagal,

doctor of philology, chief researcher,

head of department of experimental speech researches

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

1/1 Bolshoi Kislovskij pereulok, Moscow, Russia 125009

kjseagal@yandex.ru

The article is devoted to anniversary of the outstanding Russian scholar A.M. Shakhnarovich (1944–2001) who was one of creators of the developmental psycholinguistics in our country. In the article A.M. Shakhnarovich's contribution to the theory of children's holophrase, namely to an explanation of the nature of this phenomenon in early children's syntax, is considered.

The author shows that long time a holophrase was investigated by linguists and psychologists separately and A.M. Shakhnarovich has a priority in development of the theory of children's holophrase on a psycholinguistic basis. A.M. Shakhnarovich considered a holophrase, i.e. a single-word utterance, in the children's speech as a «pre-program» formation in which the program of speech actions contains in the situation. According to A.M. Shakhnarovich, in a holophrase there are relations of two actions – verbal and nonverbal ones. A.M. Shakhnarovich considered that children's holophrase is based on «communication of events» (A.R. Luria) and belongs to the situational speech. Holophrase is considered by A.M. Shakhnarovich as the earliest precedent of elements of conventional language system use for marking of components of propositional content. In the article it is shown that in many respects thanks to A.M. Shakhnarovich's researches the question of how children create holophrases was raised in the developmental psycholinguistics. In addition, in the article the problem of «rudiments» of children's holophrase in the speech of adults is discussed.

Keywords: holophrase, single-word utterance, syntax of children's speech, A.M. Shakhnarovich

References

Akhutina T.V. Porozhdeniye rechi: Neyrolingvisticheskiy analiz sintaksisa. 2-e izd. [Generation of speech: Neurolinguistic analysis of syntax. 2nd ed.]. Moscow, LKI, 2007. S. 216 (in Russian).

Budagov R.A. Chto takoye razvitiye i sovershenstvovaniye yazyka? [What are the development and improvement of language]. Moscow, Nauka, 1977. S. 264 (in Russian).

Byuler K. Teoriya yazyka. Rerezentativnaya funktsiya yazyka [Theory of language. Representative function of language]. Moscow, Progress, 1993. S. 528 (in Russian).

Vygotskiy L.S. Psikhologiya razvitiya cheloveka [Developmental psychology of the person]. Moscow, Smysl; Eksmo, 2006. S. 1136 (in Russian).

Gvozdev A.N. Voprosy izucheniya detskoy rechi [Issues of studying of the children's speech]. Sanct-Petersburg, Detstvo-press, 2007. S. 472 (in Russian).

Germanovich A.I. Mezhdometiya russkogo yazyka [Russian interjections]. Kiev, Radyans'ka shkola, 1966. S. 171 (in Russian).

Greenfield P.M. Informativnost', presupozitsiya i semanticheskiy vybor v odnoslovnnykh vyskazyvaniyakh [Informativeness, presupposition and semantic choice in single-word utterances]. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow, Progress, 1984, ss. 208-220 (in Russian).

Elivanova V.A. Dvukhkomponentnyye vyskazyvaniya kak etap stanovleniya grammaticheskoy sistemy yazyka rebenka rannego vozrasta: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Two-component utterances as a stage of formation of grammatical system in language of the early age child: PhD Thesis]. Sanct-Petersburg, RGPU im. A.I. Gertsena, 2004. S. 23 (in Russian).

Espersen O. Filosofiya grammatiki [Philosophy of grammar]. Moscow, IIL, 1958. S. 404 (in Russian).

Irishanova O.K. Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya [Focus games in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. S. 320 (in Russian).

Clark G., Clark E. Kak malen'kiye deti upotreblyayut svoi vyskazyvaniya [How small children use their sentences]. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow, Progress, 1984, ss. 353-366 (in Russian).

Klochko K.A. Protogrammatika kak komponent grammaticheskoy sistemy sovremenno-

go cheloveka [Protogrammar as a component of grammatical system of the modern person]. Perm, PIEF, 2015. S. 183 (in Russian).

Kovynева I.A. Sintaksicheskaya funktsiya golofrasticheskikh konstruksiy [Syntactic function of holophrastic constructions]. *Vestnik VGU. Ser. Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of VSU. Ser. Philology. Journalism], 2011, no. 1, ss. 32-34 (in Russian).

Kubryakova E.S. Problemy analiza odnoslovnnykh vyskazyvaniy rebenka i ovladeniya im grammatikoy [Problems of the analysis of child's single-word utterances and the acquisition of grammar]. *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Yazyk i porozhdeniye rechi* [The human factor in language: Language and generation of speech]. Moscow, Nauka, 1991, ss. 155-171 (in Russian).

Kurmanbayev N.M. Proiskhozhdeniye grammaticheskikh kategoriy [Origin of grammatical categories]. Alma-Ata, Mektep, 1981. S. 128 (in Russian).

Levitskiy Yu.A. Osnovy teorii sintaksisa. 2-e izd. [Foundations of the theory of syntax. 2nd ed.]. Moscow, Editorial URSS, 2002. S. 236 (in Russian).

Potebnaya A.A. Mysl' i yazyk [Thought and language]. Kiev, SINTO, 1993. S. 192 (in Russian).

Potebnaya A.A. Slovo i predlozheniye: Vvedeniye v teoriyu [Word and sentence: Introduction to the theory]. Moscow, KRASAND, 2010. S. 128 (in Russian).

Seagal K.Ya. A.M. Shakhnarovich i sovremennaya psikholingvistika [A.M. Shakhnarovich and modern psycholinguistics]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of psycholinguistics], 2014, no. 4, ss. 9-15 (in Russian).

Seagal K.Ya., Yur'yeva N.M. Pamyati A.M. Shakhnarovicha (1944-2001) [In memory of A.M. Shakhnarovich (1944-2001)]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of psycholinguistics], 2011, no. 1, ss. 182-190 (in Russian).

Tarlanov Z.K. Universitetskiy kurs russkogo sintaksisa v nauchno-istoricheskom osveshchenii [A university course of the Russian syntax from scientific and historical point of view]. Petrozavodsk, PetrGU, 2007. S. 480 (in Russian).

Tseytlin S.N. Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoy rechi [Language and child: Linguistics of the children's speech]. Moscow, Vldos, 2000. S. 240 (in Russian).

Shakhnarovich A.M. Izbrannyye trudy [Selected works]. Moscow, Gumanitariy, 2001. S. 727 (in Russian).

Shmeleva T.V. Vizualizatsiya sintaksisa [Visualization of syntax]. *Grammatika i stilistika russkogo yazyka v sinkhronii i diakhronii: Ocherki* [Grammar and stylistics of Russian in synchrony and diachrony: Sketches]. Sanct-Petersburg, SPbGU, 2012, ss. 339-347 (in Russian).

Shukhardt G. Izbrannyye stat'i po yazykoznaniyu. 2-e izd. [Selected articles on linguistics. 2nd ed.]. Moscow, Editorial URSS, 2003. S. 296 (in Russian).

Barret, M. (Ed.) (1985) Children's single-word speech. New York; Chister: Wiley. 325 p.

Bloom, L. (1973) One word at a time: the use of single word utterances before syntax. The Hague; Paris: Mouton Publishers. 264 p.

Greenfield, P.M. (1978) How much is one word? *Journal of child language*. Vol. 5. No. 2, pp. 347-352.

Leopold, W.F. (1949) Speech development of a bilingual child: A linguist's record. Vol. 3. Grammar and general problems in the first two years. Evanston: Northwestern University Press. 200 p.

Mackenzie, J.L. (1998) The basis of syntax in the holophrase. Functional grammar and verbal interaction. M. Hannay, A.M. Bolkestein (Ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin, pp. 267-295.